

УДК 398.9

DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-2-161-169

EDN: OPJIRM

Научная статья

Типология конфликта в карачаево-балкарской историко-героической песне

Б. А. Берберов

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. Статья представляет собой анализ карачаево-балкарских фольклорных песен, относящихся к историко-героическому жанру. Методом сплошной выборки выявлены и описаны пять основных моделей художественного конфликта, обусловленных факторами исторического, географического и этнокультурного характера. Среди них геополитический, экологический, религиозный, классовый и семейный конфликты. Их особенности рассмотрены на материале таких произведений, как «Княгиня Зурум», «Дюгербий», «Бийнегер», «Горестная песня Согаевых», «Аштотур и князь Баток», «Бекболат Махиев», «Давай пойдем в Баксанское село». Сделан вывод о важности предупреждения и урегулирования конфликтов любого рода посредством культурного диалога.

Ключевые слова: устное народное творчество, карачаево-балкарская фольклористика, историко-героическая песня, конфликт, коллизия, антропоцентризм, поэтика

Поступила 20.02.2024, одобрена после рецензирования 01.03.2024, принята к публикации 04.03.2024

Для цитирования. Берберов Б. А. Типология конфликта в карачаево-балкарской историко-героической песне // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2024. Т. 26. № 2. С. 161–169. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-2-161-169

Original article

Typology of conflict in Karachay-Balkar historical-heroic song

B.A. Berberov

Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

Abstract. The article is an analysis of Karachay-Balkar folk songs belonging to the historical-heroic genre. Using a continuous sampling method, five main models of artistic conflict, determined by factors of a historical, geographical and ethnocultural nature, were identified and described. Among them are geopolitical, environmental, religious, class and family conflicts. Their features are examined on the basis of such works as «Princess Zurum», «Dyugerbiy», «Bijneger», «Sorrowful Song of the Sogaevs», «Ashtotur and Prince Batok», «Bekbolat Makhiev», «Let's go to the Baksan village». The conclusion is drawn about the importance of preventing and resolving conflicts of any kind through cultural dialogue.

Keywords: oral folk art, Karachay-Balkarian folklore, historical-heroic song, conflict, collision, anthropocentrism, poetics

Submitted 20.02.2024,

approved after reviewing 01.03.2024,

accepted for publication 04.03.2024

For citation. Berberov B.A. Typology of conflict in Karachay-Balkar historical-heroic song. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2024. Vol. 26. No. 2. Pp. 161–169. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-2-161-169

Исследование вопросов, имеющих отношение к конфликтологии, продолжает оставаться тщательно разрабатываемой проблемой в современной зарубежной и отечественной гуманитаристике. Как отмечает М. С. Мириманова, «конфликтология, имея в своем арсенале теоретические и практические знания, необходимые каждому человеку, стремится помочь людям эффективно действовать в конфликтных ситуациях» [1, с. 3]. И далее автор справедливо отмечает, что «конфликт, конструктивно разрешенный, откроет новые возможности для развития сотрудничества» [1, с. 3]. Отметим, что к настоящему времени сформировался целый массив учебных пособий и монографических изданий, ориентированных на освещение многочисленных конфликтных ситуаций [2–4].

При этом, на наш взгляд, недооцененной областью остается фольклористика, в особенности цикл историко-героических песен, где принцип сюжетостроения практически каждого текста определяется триадным процессом: назревание конфликта – конфликт – разрешение конфликта. В этом контексте **актуализируется** вопрос многомерного исследования конфликтных моделей в карачаево-балкарском песенном эпосе, что и обусловило **целевую направленность** настоящей статьи. В **задачи** исследования входят: выборка наиболее репрезентативных песен по диахроническому срезу; выявление и анализ типичных конфликтов; обобщение исследованного материала с целью определения особенностей функционирования художественного конфликта в карачаево-балкарских историко-героических песнях XIII–XIX вв.

Основные методы исследования – сравнительно-исторический и ретроспективный, с использованием подчиненных ему способов текстологического исследования, структурального анализа, частных статистических приемов.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

Важное место в карачаево-балкарском фольклоре занимает так называемый «тимуровский цикл» историко-героических песен, связанных с трагической историей вторжения на Северный Кавказ Тамерлана (Хромого Тимура, Аксак-Темира) (1336–1405). «Северокавказская земля издревле была ареной драматических историй, связанных с иноземными нашествиями, оборонительными битвами, героическими подвигами горцев и крупномасштабными народными трагедиями» [5, с. 97]. По свидетельству Х. Х. Малкондуева, «наиболее древний цикл песен и преданий старины относится к периоду нашествия Аксак Темира (Тимура) в апреле 1395 г. в степные районы Северного Кавказа и ущелья современной Кабардино-Балкарии» [6, с. 48]. В первую очередь природные объекты в виде скал, холмов, каменных валунов, полян, лесных массивов стали красноречивыми свидетельствами, своеобразными историческими памятниками злодеяний иноземных агрессоров. Ряд этих топонимов, маркированных именем Хромого Тимура, приводится в «Балкарском топонимическом словаре» [7, с. 25; с. 107], а также в монографии Х. Х. Малкондуева «Акьсакъ-Темирни-ташы» («*Камень Аксак Темира*»), «Акьсакъ-Темирни-кьошу» («*Ставка Аксак Темира*»), «Акьсакъ-Темирни-Атлы-кьошу» («*Конная ставка Аксак Темира*»), «Акьсакъ-Темирни-Тохтаучу-жеру» («*Место стоянки Аксак Темира*»), «Акьсакъ-Темирни-Бодуркьусу» («*Застава Аксак Темира*») [6, с. 48].

Во вторую очередь следует отметить наличие фольклорных памятников, которые на протяжении столетий передавались из уст в уста и, наконец, в XX веке благодаря профессионалам обрели письменное выражение. Характер и масштаб «тамерлано-кавказского» геополитического конфликта нашли отражение в произведениях «Акьсакъ Темирни тауруху» («*Предание о Хромом Тимуре*») [8, с. 115. Ч. 2], «Зурум-бийче» («*Княгиня*

Зурум») [9, с. 67. Т. 1], «Акъсакъ Темир бла сермешле» («Сражения с Аксак-Темиром» [9, с. 109. Т. 1], «Акъбилек бийче» («Княгиня Акбилек») [9, с. 78. Т. 1] и др.

При этом бросается в глаза одна особенность, связанная с женскими образами. Вопреки расхожему выражению «У войны не женское лицо» в указанных песенных повествованиях в роли главных актантов выступают женщины. Этому есть свое литературоведческое объяснение. На наш взгляд, выдвигение на передний план женских образов истолковывается тем, что в реальной жизни из-за массового уничтожения мужского населения у линии фронта оказались представительницы женского мира. Другое объяснение связано с изначально сильнейшим художественно-эмоциональным накалом темы «война и женщина», в максимальной степени подчеркивающей недопустимость зла на земле. И третье наше наблюдение: сам народ нередко статусом нарратора наделяет женщину, поскольку она сможет поведать о зверствах войны с многочисленными тонкостями психологического и даже физиологического порядка.

Ярким примером сказанного является историко-героическая песня «Зурум Бийче» («Княгиня Зурум»), опубликованная в книге М. Ч. Джуртубаева «Аланский историко-героический эпос» [9, с. 67. Том 1]. Вот как видится война глазами женщины: «Земля тряслась, дрожало небо, реки стали красной кровью» [9, с. 75. Т. 1], «Наши могучие (воины) лежали вповалку, мертвые» [9, с. 75. Т. 1], «Чреватые женщины, теряя сознание, скидывали плод» [9, с. 75. Т. 1], «Не осталось мужей, чтобы защитить башню» [9, с. 76. Т. 1]. По-женски простодушно и в то же время с абсолютной социальной грамотностью она оценивает преступление Темир-хана, который «вошел в нашу страну, как будто она принадлежала его отцу» [9, с. 75. Т. 1]. Согласно песенному тексту в этих условиях княгине Зурум, забаррикадировавшейся в своей башне, Аксак-Темир для окончательного подавления ее духа посылает мешочек проса с намеком, что численность его войска равна количеству зерен в мешке.

Вместо многих слов дерзкая Зурум через эмиссара своему главному противнику отправляет живого петушка как символическое напоминание о том, что все его «зерна-воины» могут быть склеваны этой боевой птицей, олицетворяющей дух Кавказа. Данная кульминационная точка конфликта разрешается духовным подвигом главной героини, которая «вместе с конем бросилась с высоты своей башни в гущу вражеского войска и погибла, как мужчина» [9, с. 72. Т. 1].

Типологически сходное разрешение художественного конфликта обнаруживается и в историко-героической песне «Дюгербий» [9, с. 130. Т. 1], где также сталкиваются между собой простые горцы и их противники, вседозволенное сознание милитаристов и императив женской чести. По сюжету ко двору князя Дюгербия направились «девять отрядов» убийц с целью забрать его красавиц-дочерей Оймак (*Наперсток*), Асыл (*Благородная*), Кёгюрчюн (*Голубка*) и Жумарук (*Куропатка*). Гордые девушки, не желающие стать невольницами во вражеском стане, движимые соображениями о человеческом достоинстве и женской чести, в едином порыве окольными путями выбежали к месту сенокосных угодий, обмотали себя «сухой травой», подожгли свои тела и, взявшись за руки, в виде горящих факелов сбросились с выступа скалы на дно Чегемского ущелья. Как отмечает в своей монографии Х. Х. Малкондуев, «эта местность по сей день называется «Къызла-Кюйген-Къая» («Скала Сгоревших Девушек») [6, с. 48].

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛИЗИЯ

Как справедливо отмечает М. Н. Эпштейн, «анималистические образы – это своего рода зеркало становящегося гуманистического самосознания» [10, с. 127]. Судя по релевантным текстам национального фольклора, карачаевцы и балкарцы с большой долей ответственно-

сти выстраивали свое многоуровневое отношение к миру животных. У охотников был свой экологический кодекс чести – никогда не брать больше, чем нужно для пропитания, не убивать молодняк, соблюдать правила сезонного календаря. Многовековая жизнь в условиях гор научила горцев придерживаться во всем принципа «золотой середины», они знали, что чрезмерностью можно легко нарушить хрупкую экосистему Кавказа.

Одним из самых совершенных произведений на тему экологической культуры по праву можно назвать поэмную песню «Бийнегер», основанную на конфликте «человек и природа». По сюжету удалой охотник Бийнегер, упиваясь собственной меткостью, стал поражать всякую живность на земле и в небесах:

Кийик кьоймайды этекледе, чатлада,
Къанатлы кьоймайды чегетледе, агъачда.

[11, с. 73].

*Туров не оставляет ни на склонах гор, ни в ущельях,
Пернатых не оставляет ни на холмах, ни в лесах.*

(Подстр. перевод автора статьи).

Дальнейшее повествование строится по схеме «преступление и наказание». После многочисленных жалоб раненых зверей и птиц акт правосудия совершает Байдымат – дочь языческого Бога Апсаты, заступница лесов, полей и стад. Она заманивает бессердечного охотника в скальную западню, откуда путь к спасению оказался навечно закрытым. Он на своей «шкуре» должен был испытать чувство безысходности своих безвинно убиенных жертв. У Бийнегера было два пути к финальной жизненной точке – быть склеванным хищными птицами на горной круче или броситься вниз со скалы в объятия любимой женщины. Так он и погиб на руках своей возлюбленной.

Типологически сходный конфликт «природа и человек» обнаружен нами и в «Горестной песне Согаевых» («Согаланы ачыу жырлары») [9, с. 513. Т. I], которую Х. Х. Малкондуев называет «лирическим монологом» [12, с. 125]. В полной версии текст приводится М. Ч. Джуртубаевым. В прологе к «Песне» дается следующее разъяснение: «В одно время Согаевы были одним из самых сильных и богатых родов в Чегемском ущелье. Скота у них было так много, что они не стали пускать к кобылицам жеребцов, к овцам – баранов, к козам – козлов. Не вынеся такого отношения, животные взмолились Тейри, чтобы он наказал Согаевых. После этого их род чуть не вымер от чумы» [9, с. 513. Т. I].

Песенный текст состоит из семи двустушии, представляющих собой итог самоанализа представителей рода Согаевых, которые пытаются установить причинно-следственную связь между природно-социальными катаклизмами и поведением своих сородичей.

КОНФЛИКТ НА РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЧВЕ

Общеизвестно, что практически все народы мира до принятия какой-либо «большой» религиозной культуры были язычниками. Карачаевцы и балкарцы не являются исключением. На протяжении многих столетий им было присуще пантеистическое мировоззрение (многобожие), основанное на том, что у каждого феноменального явления, сущности, предмета есть свое божество. Данным фактором обусловлено наличие в древней культуре Северного Кавказа многочисленных языческих святынь в виде Священного Древа Раубазы, священных рощ, родников, камней и т.п.

Процесс принятия в середине XVIII века карачаевцами и балкарцами мусульманской веры повсеместно сопровождался отказом от языческих святынь, десакрализацией прежних обожествляемых предметов. Переходный период нередко порождал стычки между староверами и сторонниками ислама.

Яркий пример такого рода конфронтации приводится в карачаево-балкарской песне «Аштотур бла Батокъ-бий» («*Аштотур и князь Баток*») [9, с. 294. Т. II]. Произведение написано в рамках жанра набеговой песни, но наибольший интерес у автора статьи вызывает сюжетная линия, связанная с бифуркацией религиозного характера. Два путника (Ахмат и князь Баток) во время своих странствий наткнулись на Священный Камень под названием Аштотур. Ахмат, будучи язычником по своему вероисповеданию, предлагает спешиться и по традиции поклониться каменной глыбе. Князь Баток же к этому времени уже успел принять мусульманскую веру, вследствие чего он без всякого страха ударяет валун своей плетью и даже надсмехается над ним, доказывая своему спутнику ошибочность его теологических представлений.

Однако по философской идее автора (сказителя) языческая сила еще не дематериализовалась. Свидетельством тому является финал текста, где со стороны «оскорбленного камня» поднимается «маленькая оса внутри облачка» и втыкает свое смертельно опасное жало в кончик носа Батока-осквернителя, отчего тот и умирает на глазах друга.

Как видим, в данном эпическом тексте находит отражение исторический момент столкновения двух религиозных систем – языческой и мусульманской. Смерть героя актуализирует проблему достижения компромисса между взглядами разных людей и конфессиональных коллективов.

КЛАССОВЫЙ КОНФЛИКТ

Значительную часть карачаево-балкарского песенного эпоса составляют тексты о социальном неравенстве. Мир горцев был отмечен знаком расслоения населения на бедных (*карахалк*) и богатых (*бийле, чанкала*). В целом конфронтации по социально-сословному признаку – явление универсальное для любой точки земного шара, но в условиях балкарского малоземелья они приобретали в особой степени обостренный и ожесточенный характер.

Характерными чертами северокавказских «классовых песен» являются: документальная основа, указание достоверных имен, четкие контуры художественного конфликта, элементы критического реализма, антропоцентрический заголовок, одическая идеализация главного героя. К ярким образцам подобных песен следует отнести такие тексты, как «Казак Толгуров», «Бекболат Махиев», «Гапалау», «Зауурбек» и др.

Из всего приведенного обширного списка наиболее популярной в народе является «Махийланы Бекболат» («*Бекболат Махиев*») [9, с. 301. Т. II], поскольку указанная песня входила в репертуар легендарного исполнителя, народного артиста КБР и КЧР Омара Отарова (1916–2002). На наш взгляд, она является и близкой к совершенству по своим эстетико-художественным показателям. В целом текст состоит из 82 двустиший с безупречной парной рифмовкой, с многочисленными внутренними созвучиями (аллитерациями и ассонансами). По своему композиционному построению эпическая песня может быть названа четырехактной, поскольку в ней, как в качественной драме, содержатся четыре последовательных акта с условными обозначениями – «пролог», «предыстория конфликта», «конфликт», «разрешение конфликта», «народная идеализация героя-протагониста».

В прологе изображается общая картина безрадостного бытия жителей высокогорного селения Холам, которых сильно притесняют представители «белой кости» («*акъ сюекле*»). Состав их преступлений против народа имеет длинный перечислительный ряд – «*поедают бедный народ, как мясо овец*», «*рабынь содержат полон двор*», «*не пускают скот пастись на сухой траве в зимники*», «*не позволяют охотиться на оленух и оленей*», «*не позволяют пользоваться бьющими из-под земли водами*», «*кровь пьют и не насыщаются*» [9, с. 307. Т. II].

Далее следует объективизация антигероя – князя Омара Шакманова, который, по народному мнению, потерял всякое представление об этических границах должного и недолжного. Настоящим детонатором народного гнева стал изобретенный князем Омаром

аморальный и античеловеческий по своей сути обычай, императивно лично им практикуемый в краю холамцев. Обычай назывался «право первой брачной ночи» и наносил сильнейшее оскорбление как представителям женского рода, так и мужского. Сказитель справедливости ради отмечает, что из самой среды Шакмановых выдвигались мудрые и благородные старцы, которые пытались урезонить зарвавшегося нечестивца со словами: «*На своей фамилии оставляешь несмываемое пятно!*» [9, с. 307. Т. II].

Кульминационным моментом в анализируемой песне становится появление на «сцене» мужественного и самоотверженного индивидуума, который способен противостоять социальному злу, победить своего идейного противника во имя высоких целей. Таким человеком становится Бекболат Махиев, типаж благородного рыцаря из числа горских крестьян. Его праведный гнев подогревался еще и тем обстоятельством, что внутренняя самооценка и врожденное чувство гордости не позволяли ему жениться на девушке, «*которую придется делить с Шакмановым*» [9, с. 308. Т. II]. Не так легко было расправиться с насильником, вследствие чего герой-протагонист придумал многоходовый хитроумный план, чтобы навсегда «*покой наступил для невест и вдов*» и «*для простых парней в селении*» [9, с. 310. Т. II]. Под благовидным предлогом «вместе поохотиться на туров» он заманил своего кровного врага в горы и «*резким толчком его с Ак-Кая проводил*» [9, с. 310. Т. II]. Завершается повествование двустийшим одического характера, где поется слава балкарскому герою.

Песню «Бекболат Махиев» по праву можно назвать «оптимистической трагедией», при этом акцент следует сделать на прилагательном, поскольку здесь главный герой в финале остается в живых, что в принципе является редкостью для историко-героического жанра. Оптимистический настрой данному тексту придает и эпизод, связанный с заседанием «Большого Тёре в Малкаре», члены которого так и не смогли найти аргументов для ареста народного героя.

В заключение, перефразируя слова Ю. Б. Борева, можно отметить, что посредством образа Бекболата Махиева древним карачаево-балкарским сказителям удалось показать «расширение возможностей человека, разрыв тех границ, которые исторически сложились, но стали тесными для наиболее смелых и активных людей, одухотворенных высокими идеалами» [13, с. 77].

СЕМЕЙНЫЙ КОНФЛИКТ

Ярким примером семейного конфликта является содержание старинной карачаево-балкарской песни «Кел, Бахсан элине барайыкъ» («*Давай пойдём в Баксанское село*») [14, с. 195], состоящей из восьми строф. Сразу отметим, что полный вариант этой песни под названием «Маука. Къумукълу къызны жыры» («*Маука. Песня о девушке-кумычке*») [9, с. 93. Т. III] мы обнаружили в сборнике песен, составленном и изданном Махти Джуртубаевым в 2015 г. Раскрывая творческую историю данного уникального фольклорного текста, редактор указывает, что «наиболее полный текст песни, записанный М. А. Дудовым, опубликован Йылмазом Неврузом в журнале «Бирлешик Кафказия» [9, с. 99], год издания, к сожалению, в книге не обозначен.

Весь ход повествования подчинен диалоговой форме, хотя песню можно назвать и «антидиалогом», учитывая, что в ней речь идет о мировоззренческом споре-конflikте между юной девушкой-кумычкой по имени Маука и ее строгим отцом. Дело в том, что родитель начинает подбирать своей повзрослевшей дочери жениха по «географическому» критерию, поочередно называя различные горные и равнинные селения. На каждый довод отца дочь приводит свои контраргументы и наоборот. Отцу нравятся горы, архаизм, сельская жизнь, а дочери – равнина, цивилизация, урбанизация. Представитель старшего поколения считает, что в равнинных селениях традиционные ценности утратили свою значимость: «*По осени в жертву приносят кур, // потом целый год из них варят суп*» [9, с. 94. Т. III].

Далее в полном соответствии с гачевской теорией «Космо-психо-логоса» [15, с. 34] отец «рекламирует» горное селение Большой Холам, которое девушке не нравится, поскольку «у них низкие закопченные дома», «их князь – рыжий офицер», «в Кириуте они живут в нужде, // что найдут, то и едят с горем пополам», «извилисты, кривы их дороги», «мало дров у них», «один другому там и воды не дает», «невеста в Холаме солнца не видит», «на каменистых нивах жнут они, // привязав к коленям подушечки» [9, с. 96. Т. III]. Попутно следует отметить ценность приводимых деталей с этнографической точки зрения.

Следующим объектом для дискуссии оппоненты избирают Безенги как потенциальное место жительства для юной кумычки. Но Маука и здесь «камня на камне не оставляет», уверяя отца в том, что у безенгиевцев «достатка нет ни в чем», «их князь – черный бугай», «очень темно в их домах», «холодные там зимы», «их женщины любят склоки-свары» [9, с. 97. Т. III].

Обескураженный отец предлагает девушке обратить внимание на столь «благословенное место», как Большой Чегем, но ей не по нраву и эта территория, поскольку там «много льда», «хитрецами бывают их юноши», «их старики – колдуны», «правдивых слов не бывает у чегемских людей», «козней полны их дела» [9, с. 97. Т. III].

После недолгих споров кумык с большим жизненным опытом предлагает своей привередливой дочери обратить взор в сторону Приэльбрусья и выбрать себе жениха из Верхнего Баксана. И на этот раз он слышит только критику в адрес баксанцев. На ее взгляд, «в реке Баксан (плавают) белые льдины», «там много камней», «злокозненными бывают их девицы», «их старики ездят на ослах, // их парни над ними насмеваются» [9, с. 98. Т. III].

Положительную характеристику в обсуждаемой песне получает условное кабардинское село, где «пищи вдоволь», «на его дорогах нет камней», «оказывать уважение умеют мужчины», «их девушки красиво играют на гармонике» [9, с. 98. Т. III], но все же на «иерархической точке» оказывается Верхняя Балкария как идеальное, образцовое селение, которое устроило и стар, и млад. Песня заканчивается следующим примирительным шестистишием:

Барайыкъ, атам а, барайыкъ, анам а,
Уллу Малкъарны барындан да иги сунама.

Пойдем, отец мой, пойдем, мать моя,
Большой Малкар мне кажется лучше всех.

Кирсиздиле ол эллени орамлары,
Жарыкъдыла бир бирине адамлары.

Чистые улицы того селения,
Приветливы друг с другом его жители.

Маука эрге тирменчиге баргъан эди,
Атасы уа Малкъарда молла болгъан эди.

Маука вышла замуж за мельника,
А ее отец стал в Малкаре муллою.

[9, с. 93. Т. III].

[9, с. 99. Т. III].

И вновь здесь следует сделать небольшое отступление и прокомментировать последнюю строчку песни, в которой содержится важная информация этнокультурного характера. Дело в том, что главными миссионерами, проводниками исламской веры в балкарские села в середине XVIII столетия были выходцы из Дагестана, в основном тюркоязычные кумыки, которые легко налаживали контакт с «братьями по языку». В этом лишний раз убеждает читателя финальная строка проанализированной песни, где «черным по белому» зафиксирован факт, что в Верхней Балкарии сразу нашлась должность священнослужителя для грамотного человека из Дагестана.

На основании изученного материала можно сделать вывод, что историко-героические песни составляют большой, интересный и самодостаточный эстетический пласт в караево-балкарском фольклоре. Широтой проблемно-тематического диапазона объясняется наличие в исследованных песенных текстах многообразия моделей художественного кон-

фликта. Среди них ключевыми являются следующие: геополитический, экологический, религиозный, классовый и семейно-бытовой. Каждая из названных коллизий предопределена соответствующим историко-культурным контекстом, спецификой национального менталитета, этикетными нормативами карачаево-балкарского народа. Практическая значимость изучения фольклорных произведений заключается в их выраженном воспитательном потенциале, актуализации идеи о том, что мудрым словом можно значительно снизить социальную напряженность.

Перспектива дальнейшего исследования темы видится в глубокой разработке вопросов, связанных с проявлениями в национальном фольклоре особенностей межличностного конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мириманова М. С.* Конфликтология: учебник. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2004. 320 с.
2. *Нагайцев В. В., Оболянский Г. В.* Политическая конфликтология: монография. Барнаул: АлтГУ, 2016. 156 с.
3. *Гаврилюк Н. П., Зыкова Н. А.* Педагогическая конфликтология: монография. Нижневартовск: НВГУ, 2020. 114 с.
4. *Осипенко О. В.* Корпоративная конфликтология: монография. М.: Статут, 2022. 758 с.
5. *Берберов Б. А.* «Тимуровский цикл» в карачаево-балкарском фольклоре и «Сказание о Хромом Тимуре» Д.-Х. Шаваева // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 4(39). С. 97–103.
6. *Малкондуев Х. Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: Печатный двор, 2015. 312 с.
7. *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. 160 с.
8. *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагышла. Поэмала. Зикирле. Назмула («Раздумья о жизни. Поэмы. Зикиры. Стихи»). В 2-х частях. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. – 196 с.; Ч. II – 182 с.
9. Аланский историко-героический эпос. В 3-х томах. На карачаево-балкарском и русском языках / Составление, предисловие и комментарии М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Тетраграф, 2015. Т. I – 656 с.; Т. II – 480 с.; Т. III – 399 с.
10. *Эпштейн М. Н.* Мир животных и самопознание человека (по мотивам русской поэзии XIX-XX вв.) // В кн.: «Художественное творчество. Человек-природа-искусство». Ленинград: Наука, 1986. С. 126–146.
11. Къарачай-малкъар фольклор (*Карачаево-балкарский фольклор*). Хрестоматия / Составитель, автор вступительной статьи Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.
12. *Малкондуев Х. Х.* Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 2001. 176 с.
13. *Борев Ю. Б.* Эстетика. М.: Политиздат, 1988. 496 с.
14. *Малкъар халкъ жырла (Балкарские народные песни)*. Нальчик: Эльбрус, 1969. 272 с.
15. *Гачев Г. Д.* Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003. 544 с.

REFERENCES

1. *Mirimanova M.S.* *Konfliktologiya* [Conflictology]: uchebnik. Moscow: Akademiya, 2004. 320 p. (In Russian)
2. *Nagaytsev V.V., Obolyansky G.V.* *Politicheskaya konfliktologiya* [Political conflictology]: monografiya. Barnaul: AltGU, 2016. 156 p. (In Russian)

3. Gavrilyuk N.P., Zykova N.A. *Pedagogicheskaya konfliktologiya* [Pedagogical conflictology]: monografiya. Nizhnevartovsk: NVGU, 2020. 114 p. (In Russian)
4. Osipenko O.V. *Korporativnaya konfliktologiya* [Corporate conflictology]: monografiya. Moscow: Statut, 2022. 758 p. (In Russian)
5. Berberov B.A. «Timurovskij cikel» v karachaevo-balkarskom fol'klоре i «Skazanie o Hromom Timure» D.-H. Shavaeva [“Timur cycle” in Karachay-Balkar folklore and "Tale of Lame Timur" by D.-Kh. Shavaeva]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research]. No. 4 (39). 2018. Pp. 97–103. (In Russian)
6. Malkonduev Kh.Kh. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda (konec XIV-XVIII veka)* [Historical-heroic songs of the Karachay-Balkar people (late XIV–XVIII centuries). Nal'chik: Pechatnyj dvor, 2015. 312 p. (In Russian)
7. Kokov Dzh.N., Shahmurzaev S.O. *Balkarskij toponimicheskij slovar'* [Balkar toponymic dictionary] Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2017. 160 p. (In Russian)
8. Shavaev (Abaykhanov) D.-H. *Razdum'ya o zhizni. Pojemy. Zikiry. Stihi.* [Thought about life. Poem. Zikir. Poem]. V 2-h chastyah. Nal'chik: Izdatel'stvo KBNC RAN, 2007. Ch. I – 196 p.; Ch. II – 182 p. (In Balkar)
9. *Alanskij istoriko-geroicheskij jepos* [Alan's historical-heroic epic] (na karachaevo-balkarskom i russkom yazykah). *Sostavlenie, predislovie i kommentarii M.Ch. Dzhurtubaeva.* Nal'chik: Tetragraf, 2015. Vol. I – 656 p.; Vol. II – 480 p.; Vol. III – 399 p. (In Balkar)
10. Epshtein M.N. *Mir zhivotnyh i samopoznanie cheloveka (po motivam russkoj poezii XIX–XX vv.)* [The world of animals and human self-knowledge (based on the motifs of Russian poetry of the 19th–20th centuries). V kn.: «Khudozhestvennoe tvorchestvo. Chelovek-priroda-iskusstvo». Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 126–146. (In Russian)
11. *Karachaevo-balkarskij fol'klор. Hrestomatiya* [Karachay-Balkar folklore]. *Sostavitel', avtor vstupitel'noj stat'i T.M. Hadzhieva.* Nal'chik: Jel'-Fa, 1996. 592 p. (In Balkar)
12. Malkonduev Kh.Kh. *Etnicheskaja kul'tura balkarcev i karachaevcev* [Ethnic culture of the Balkars and Karachays]. Nal'chik: El'brus, 2001. 176 p. (In Russian)
13. Borev Ju.B. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Politizdat, 1988. 496 p. (In Russian)
14. *Balkarskie narodnye pesni* [Balkar folk songs]. Nal'chik: El'brus, 1969. 272 p. (In Balkar)
15. Gachev G.D. *Mental'nosti narodov mira* [The mentality of the nations of the world]. Moscow: Eksmo, 2003. 544 p. (In Russian)

Информация об авторе

Берберов Бурхан Абуясуфович, д-р филол. наук, вед. науч. сотр., зав. сектором карачаево-балкарского фольклора, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук;

360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18;

burhan_berberov@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>, SPIN-код: 6335-7118

Information about the author

Burkhan A. Berberov, Doctor of Philology, Leading Researcher, Head of Karachay-Balkarian folklore sector, Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street;

burhan_berberov@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>, SPIN-code: 6335-7118